

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Векслер. *От составителя* 7

ШАМПАНСКОЕ С ЖЕЛЧЬЮ

Рассказ

..... 19

ПРЕДСКАЗАНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ

Алеаторная сделка Ицхака Рабина 77

Гетто-большевизм и смерть Ицхака Рабина. *Факты
и загадки* 97

ЕСТЬ ЛИ У ИЗРАИЛЯ БУДУЩЕЕ?

Спор о судьбе еврейского государства

Письмо Савелия Дудакова Фридриху Горенштейну . 119

По ком звонит колокол. *Трактат-памфлет о жизни
и смерти Божьего мира... и ближневосточного мира* 131

ЕВРЕЙСКИЕ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ В ИЗРАИЛЬСКИХ РЕСТОРАНАХ

*Синопис киносценария;
написан при участии Лиш Красниц*

..... 251

Вместо послесловия. Марат Гринберг.

Эссе Горенштейна: в поисках причины 273

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Со дня провозглашения Государства Израиль все, что происходит на Земле обетованной, мало кого на Ближнем Востоке и в мире в целом оставляет равнодушным. Наиболее горячо реагируют, конечно, сами израильтяне, евреи диаспоры и всемирный антисемитский, рядящийся ныне в антиизраильский интернационал.

Перед вами сборник текстов, концепция и название которого предложены мной. В книге собраны очень разные произведения выдающегося прозаика, драматурга и сценариста Фридриха Наумовича Горенштейна (автора романов «Псалом», «Место», «Попутчики» и др.), посвященные Израилю и судьбе этого государства, которая всегда волновала Горенштейна, несмотря на то что побывать на Земле обетованной ему не довелось. К сожалению, в самом Израиле (уж точно в ивритоязычном) эти впервые публикуемые в России и, по моему убеждению, и по сей день не утерявшие значения мысли и тексты, скорее всего, мало кому известны.

Фридриху Горенштейну удавалось видеть израильскую историю объемно, как минимум с двух точек зрения — как бы изнутри и *на расстоянии*. Тем интереснее его видение важных поворотных, судьбоносных

событий новейшей израильской истории. Свои позиции в отношении значения и судьбы будущего Израиля Горенштейн ярко выражал в разных жанрах — прозе, эссеистике, публицистике и даже в кинодраматургии. Именно это жанровое разнообразие и представлено в книге.

В нее включены, кроме текстов Горенштейна, письмо израильского филолога и историка Савелия Дудакова и синопсис киносценария документально-художественного фильма «Еврейские истории, рассказанные в израильских ресторанах» — еще одно свидетельство любви Горенштейна к своему народу и Земле обетованной. Синопсис написан при участии журналистки Лии Красниц, проведенной в Израиле по договоренности с ним многочисленные интервью.

Фридрих Горенштейн считал судьбу Израиля ключевой не только для всех евреев мира, но и для человечества в целом. Об этом свидетельствуют публикуемые в книге сочинения писателя, в частности, наверное, последнее законченное — «По ком звонит колокол. Трактат-памфлет о жизни и смерти Божьего мира... и ближневосточного мира» (2001).

Все, что происходило на Святой земле во все века, привлекало Горенштейна — не случайно он, создавая с Андреем Тарковским сценарий «Светлый ветер» по мотивам романа Александра Беляева «Ариэль», перенес место действия из Индии в Палестину, не случайно и появление из-под пера Горенштейн своего рода Евангелия от Марии Магдалины в одноименном сценарии и уж совсем дерзновенный замысел заочно сочинить с помощью Лии Красниц «свой Израиль» (см. ниже) — так Булгаков сочинял по письмам брата «свой Париж» в романе «Жизнь господина де Мольера».

О том, как переживал Горенштейн за Израиль во время войн 1967 и 1973 годов, он написал в одном из лучших своих рассказов «Шампанское с желчью» (1986), который открывает эту книгу.

Герои тех войн — Ицхак Рабин, Ариэль Шарон, Эхуд Барак — позднее стали политиками. По мнению Горенштейна, не очень хорошими. Они, как и не воевавший непосредственно в армии Шимон Перес, — важные фигуры полемической публицистики Горенштейна, которая составляет главное содержание этого сборника.

До эмиграции из СССР в 1980 году в Германию о взглядах Фридриха Горенштейна на политику вообще и на Израиль в частности ничего никому не было известно, так как на родине его не печатали.

Позднее выяснилось, что во многих его прозаических текстах («Псалом», «Дрезденские страсти», «Споры о Достоевском» и др.), написанных в Москве до отъезда в Европу в конце 1980 года, есть еврейская тема и связанная с ней тема антисемитизма. Израильский же политический дискурс возник у Горенштейна по-настоящему уже в Европе. До того об Израиле говорили только герои его великой эпической пьесы «Бердичев» (1975)*.

В этой, можно сказать «автобиографической», пьесе-романе Горенштейн «присутствует» в качестве одного из персонажей, сначала как подросток (он назван Виля), а действие разворачивается в промежутке между 1945 и 1975 годами. В речи героев неоднократно упоминаются как Палестина, так и Израиль. Чаше, правда, по-советски, «как учила партия» — с осуждением. Но не только...

РАХИЛЬ. Вот она вам скажет... Революционерка Доня была? Сионистка Доня была. А у Бронфенмахера дядя тоже был сионист, он в 20-м году уехал в Палестину... Если я за этого Бронфенмахера возьмусь, так ему станет темно и горько.

<...>

* См.: Ф. Горенштейн. Бердичев. М.: Книжники, 2020. — Здесь и далее примеч. редактора, если не указано иное.

миля. Ничего. Есть Киевский обком партии, есть Житомирский обком, есть, к примеру, Новосибирский обком... Когда-нибудь еще будет существовать Палестинский обком партии.

<...>

рахиль. Ты помнишь дедушку?

виля. Помню.

рахиль. Ой, когда он умирал в Средней Азии, так он был доволен, что земля эта, где он будет лежать, похожа на Палестину... Он был религиозный.

<...>

злота (*тихо*). Про Пынчик нельзя говорить, он уехал в Израиль со всеми детьми... Когда ты его видел на Рузиной свадьбе, после фронт он был майор... А потом он уже был полковник и в Риге имел хорошая квартира. Так он все бросил и куда-то поехал...

Так впервые упомянута в сочинениях Горенштейна эмиграция непосредственно в Израиль, где ныне живет его двоюродный племянник Геннадий Корчемный. Этой эмиграции Горенштейн посвятит позднее рассказ «Маленький фруктовый садик».

Писателя Горенштейна интересовал не только человек как таковой, но и люди племени, к которому он принадлежал по рождению. В эссе «Мысли о Марке Шагале», предварявшем кинороман «Летит себе аэроплан», он писал: «Что это было за столетие — с 80-х по 80-е, — нет смысла говорить. Кровавая бойня Первой мировой войны, апокалипсис русской революции и Гражданской войны, зверства сталинского террора, горячечный бред гитлеризма. Человеку двадцатого столетия редко выпадала возможность вздохнуть, перевести дух. А в силу исторических обстоятельств, когда человеку трудно, человеку-еврею трудно вдвойне».

Сорокавосемилетний Горенштейн, покидая навсегда СССР в 1980 году, выезжал по израильской визе, так

как власти проигнорировали его официальное приглашение на литературную стипендию в Западный Берлин. Это была жалкая попытка в последний раз унижить человека-еврея, отказав ему в признании в качестве профессионального писателя. Попытка не удалась, так как выявила собственную абсурдность — Горенштейн стал первым русским писателем-стипендиатом Германской службы академических обменов DAAD, что само по себе уже было признанием.

Образование Государства Израиль было для Горенштейна событием библейского масштаба, как видно из текстов этой книги. Что, однако, не помешало ему уже в Берлине почти сатирически описать атмосферу массового исхода евреев из СССР в рассказе «Маленький фруктовый садик». И вообще Горенштейн, исповедовавший метод, который можно было бы назвать библейским реализмом, был беспощаден к соплеменникам никак не меньше, чем ко всем остальным homo sapiens.

Израиль был провозглашен в 1948 году, и с этого момента вокруг него бушуют страсти. Покой израильтянам даже не снится: локальные войны, ракетные обстрелы, воздушные тревоги, одиночные уличные теракты, похищения... В мире слов к тотальной и все разрастающейся пропаганде арабоязычного мусульманского мира (Горенштейн говорил о «национал-исламизме») в последние десятилетия прибавился хор антиизраильского интернационала в Европе и остальном мире, и оказалось, что сил и возможностей перекричать этот словесный террор у Израиля нет. Это на многих евреев в Израиле действует удручающе, что, собственно, и родило дискурс этой книги. Растет антисемитизм чаще в форме антиизраилизма и в самой Европе: учащаются нападения на евреев на улицах и осквернения могил на еврейских кладбищах. Все это подогревается усилиями многих эмигрантов из арабских стран.

Живя в Германии, Горенштейн сумел разглядеть тенденции роста антисемитских настроений в Европе в целом и в частности во Франции после того, как в 1995 году президентом стал Жак Ширак. Все эти наблюдения Горенштейн выразил в своем трактате-памфлете. Особенно впечатляет его анализ современной истории и моральной деградации общества во Франции, стране, которую он, в отличие от Германии, изначально слепо любил.

Недавно в Женеве хозяин кафе отказался обслуживать дочь моей знакомой, увидев у нее на шее цепочку с могоидовидом, и наговорил гадостей на тему «все из-за вас, вы во всем виноваты». Такие инциденты, еще недавно казавшиеся невозможными, уже не удивляют. Похоже, что в Европе все это всерьез и надолго.

В Старом Свете, но особенно во Франции, участились теракты и даже убийства на почве антисемитизма и, как результат, многие французские евреи эмигрируют в Израиль. Весь мир был шокирован убийством карикатуристов парижского журнала «Еженедельник Чарли» (*Charlie Hebdo*) в 2015 году. Все эти тенденции возрождения ненависти к евреям и Израилю, ненависти после Холокоста Горенштейн увидел, описал и объяснил раньше многих.

Лия Красниц написала в своих мемуарных заметках: «Посещение Израиля было мечтой и, может быть, как мне представляется, целью жизни Горенштейна. Казалось бы, что мешало ему просто купить билет на самолет? Но Горенштейн, подобно ребе Шнеерсону, считал, что приезд в Израиль возможен для него только после завершения его писательского труда, как венец дела его жизни»*. Так ли это было на самом деле, я не знаю, но готов в это поверить, поверить в Израиль как в далекую цель жизненного финиша писателя, как постоянно отодвигаемую цель, так как Горенштейн

* Цит. по.: Ф. Горенштейн. «Раба любви» и другие киносценарии. М.: Сеанс, 2014. — Примеч. Ю. Векслера.

хотел написать еще несколько книг о Германии, что, наверное, продлило бы его пребывание в этой стране.

Уверен, правда, что, если бы Горенштейна перевели на иврит и пригласили в Израиль как писателя, он не стал бы отказываться. Жаль, что в тель-авивском театре «Гешер» так и не поставили «Бердичев», хотя планы такие у его художественного руководителя и режиссера Евгения Арье были. Та же Лия Красниц в письме ко мне вспоминала: «...Мы гуляли с Ф.Н. (Горенштейном), Эткиндо и Аксеновым по Берлину... Горенштейн представил меня им как израильскую журналистку и его будущего литературного агента. А потом был замечательный ужин дома у Ф.Н., где мы говорили, по большей части, об Израиле... Горенштейн рассказывал о “Еврейских историях” и говорил, что мы поедем в Израиль на премьеру...»

Горенштейн в своих взглядах на политику Израиля, как и в политике вообще, был консерватором, критиком левых и «пацифистов». Левые убеждения естественны для молодости, которой по возрасту недостает знаний о человеческой природе.

В статье «Алеаторная сделка Ицхака Рабина», опубликованной в Израиле на русском языке в газете «Вести» за восемь дней до убийства израильского премьер-министра фанатиком 4 ноября 1995 года, Горенштейн фактически предсказал это трагическое событие. Лия Красниц не верила пророчеству и, по ее словам, споря с Горенштейном, приводила в качестве аргумента пример Поста Гедальи* — говорила, что такое (убийство) невозможно в еврейском государстве, что само установление поста должно было оберегать еврейский народ от убийств своих руководителей. Но прав оказался Горенштейн.

* Пост Гедальи наступает третьего числа месяца *тишрей*, на следующий день после *Рош га-Шана*; был установлен пророками в память об убийстве Гедальи бен Ахикама — последнего наместника Иудеи.

Писатель продолжил потом эту тему в также представленной в данной книге статье «Гетто-большевизм и тайна смерти Ицхака Рабина», написанной 18.12.1995 года вослед трагедии и опубликованной впервые в берлинском журнале «Зеркало загадок» (№ 3, 1996).

Пафос Горенштейна-публициста — это пафос убежденного консерватора. В Германии говорят: «В 20 лет не коммунист — сердца нет, в 40 лет еще коммунист — головы нет». В царство справедливости на земле Горенштейн не верил. Тем более он не считал левые, либеральные идеи жизнеспособными для Израиля, находящегося в окружении стран, правительства которых желали бы его исчезновения.

Последние размышления Горенштейна об Израиле и мире в целом — мысли пессимиста, того, кто, как известно, есть «хорошо информированный оптимист». Для Горенштейна очевидно, что гибель Израиля стала бы гибелью мира. Но Божьему миру гибель угрожает и вне зависимости от судьбы Израиля. И в финале своего трактата-памфлета Горенштейн приводит апокалиптический прогноз ученых, уже после его смерти заостренный и авторизованный гениальным британским физиком-теоретиком Стивеном Хокингом, о том, что человечеству на Земле до вымирания осталось максимум 1000 лет. Горенштейн дает свой комментарий:

...Однако главная ненависть (антисемитов. — Ю. В.) — против сионистов, хотя по логике сионисты как раз и призывают евреев покинуть так называемые их земли и переселиться в Израиль.

Почему (ненависть. — Ю. В.)? Потому что Израиль — это сердце еврейского народа, и враги это понимают лучше, чем иные господа эрудиты. Надо разбить сердце, вырвать сердце, тогда умрет и народ. Но только ли еврейский народ? Не сердце ли это всего библейско-христианского народа? Сердце би-

блейско-христианского народа начало биться, когда Господь сказал Аврааму: «Потомству твоему даю Я землю сию». Да, 2000 лет вопреки Господнему завету на грешной земле еврейско-христианское сердце билось пересаженное в колбе, билось в изгнании, ибо мир был подвержен эксперименту дьявола. Мир, в котором Мессия подменен, но лишь немногие это поняли. «Ходили в мире лже-Мессии. / Я не прельстился, угадал, что блуд и срам их литургии / сиречь бряцающий кимвал. / Своекорыстные пророки, лжецы и скудные умы. / Звезда, что будет на Востоке, еще среди глубокой тьмы. / Но на исходе сроки ваши, но проклят старый мир, и вновь / пьет Сатана из полной чаши идоложертвенную кровь». Это стихи Ивана Бунина «На исходе» (1916). Бунин был на библейской земле завета с Авраамом, когда она была еще опустошена, и сердце билось вдали от места своего божьего обетования. Билось, заключенное в дьявольскую колбу изгнания. Теперь оно вернулось на свое место, и вновь его пытаются похоронить. Вновь раздаются злобные призывы убийц в национал-исламистских мечетях. Вновь трезвонят лицемерные колокола христианской демократии и даже козлиные колокольчики израильских левых умников-миролюбцев, таких как господин эрудит. Но рано хороните. Торопитесь эдак примерно на тысячу лет. Почему на тысячу лет? Опубликовали ли французские и прочие европейские газеты, плотно заполненные проарабизмами и антиизраилизмами, та же «Ле Монд» или «Фигаро» или еженедельник «Экспресс», маленькое научное сообщение? Миру осталось существовать всего тысячу лет. Однако, смею вас заверить, второго дьявольского эксперимента Господь не допустит. Ведь осталась еще тысяча лет. Так что если умрем, то умрем вместе. Притом есть небесный Иерусалим, но нет и не будет ни небесного Парижа, ни небесного Лондона, небесной Жены, небесного Берлина, небесной Москвы, небесного

Нью-Йорка. Конечно, циничные потребители земных благ скажут: «Тысяча лет — это целая бесконечность. Чего нам беспокоиться. После нас хоть потоп. Ха-ха, хи-хи». И расскажут о конце мира какой-нибудь еврейский анекдот. Нет, весельчаки. Тысяча лет — это рукой подать. Вселенная существует 15 миллионов лет, человек — 4 миллиона лет. Так что тысяча лет — это даже не завтра, это через полчаса. Тысяча лет — это современность. Тысячу лет назад уже была итальянская и французская культура, провансальская поэзия, песни трубадуров, итальянская медицина и юриспруденция, испано-арабская поэзия. «Повесть о Тристане и Изольде» переводилась в германских и славянских странах. Фактически это уже было наше время. А через тысячу лет на высохшей планете, с клубами горячего пара воды и раскаленными камнями вместо земли, жить будут, может быть, только какие-нибудь приспособившиеся насекомые и крысы, этими насекомыми питающиеся. Да еще переплетами Пушкина, Шекспира, Данте, Гёте и прочих на развалинах библиотек. Те поэты, которые вздыхали и вздыхают на Луну — кусок сыра в космосе, должны были повздыхать на Марс, когда-то по предположению полночный, планету войны, ныне мертвую, красную как кровь. Конечно, трезвые скептики посмеются над этим моим откровением, над этим моим Апокалипсисом и скажут: «Сколько раз уже возвещался конец света?» Да, возвещался, но тогда возвещали богословы и ангелы, а теперь ученые. Более того, не надо быть ученым, чтобы видеть агонию мира, отравленный воздух, потепление земной атмосферы, таяние вечных льдов, отравление воды, уничтожение спасительного озона смердящим дыханием нефтяного CO. За прошлый двадцатый век вымерло столько животных, сколько за все предыдущие века, вместе взятые. Одна рептилия просуществовала миллион лет, а теперь ей грозит смерть. Наиболее яркий признак общей агонии жиз-

ни — это изначальная деградация, реверсия, одичание на фоне буйного технократического развития и всеобщей компьютеризации...

В сухом остатке — вера Горенштейна в небесный Иерусалим.

Трагическое по своей сути творчество Горенштейна (он, например, в романе «Псалом», рассуждая о Холокосте, обвиняет от имени Бога еврейский народ в «грехе беззащитности») всегда оставляет надежду на чудо Господне. И разве не чудо — превращение сироты, воспитанного тетками в Бердичеве, учившегося в горном институте и работавшего до тридцати лет в шахте и на стройках Украины, в большого русского писателя космического, философского звучания?

И в заключение мне хочется привести финальный пассаж синопсиса сценария «Еврейские истории, рассказанные в израильских ресторанах»:

...В который раз враг пытался взорвать Израиль, но Израиль живет, трудится и веселится. «У Миши на крыше» собираются люди, любящие литературу, поговорить, послушать стихи и прозу, почитать свое, а также послушать еврейскую и еврейско-молдавскую музыку. «У Миши на крыше» хорошие музыканты, особенно хороший скрипач на крыше. Все звучит совсем по-шагаловски. Марк Шагал написал книгу стихов и прозы, которая называется «Ангел над крышами». Великий художник не был великим писателем, но его стихи и проза интересны семейными бытовыми нотами. Это как бы домашнее рукоделие семейного мастера. Прошлое человека и прошлое народа напоминает сновидение. Еврейские сновидения чаще всего у иных народов сопровождались кровавыми кошмарами. Наверно, это предопределено Творцом и предопределено библейским избранничеством, за которое приходилось и приходится платить страшно дорогую

Юрий Векслер

цену. Но всякий раз за величием черной трагедии приходили по-шагаловски веселые разноцветные будни, домашние, семейные, бытовые. Враги были, враги есть, враги будут, но тут «но»: был, есть и будет над крышей еврейского дома Божий посланец, Ангел-хранитель, тем более теперь не под чужой, а под своей, ближайшей, крышей будет играть музыка, слышен свободный смех и совершается именно ренессансное чревоугодие, потому что Израиль есть ренессансное возрождение народа, который много раз пытались похоронить разнообразные могильщики и кровопийцы. Обратной стороной трагедии является веселая комедия, а обратной стороной похорон является веселая свадьба. Вечная свадьба народа с Творцом, избравшим его Себе в суженые...

ЮРИЙ ВЕКСЛЕР

Берлин, 10 ноября 2020 года

ШАМПАНСКОЕ С ЖЕЛЧЬЮ

Рассказ

*Ибо вижу я тебя исполненного
горькой желчи и в узах неправды.*

ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ

I

«Лето катится неудержимо, — думал театральный режиссер Ю., убирая после ухода гостей со стола на кухне пустую посуду и остатки еды, — невозвратно, необратимо, еще черт знает как», — думал Ю., гремя пустыми бутылками. Было две бутылки из-под крымского шампанского, бутылка из-под «Зубровки» и бутылка из-под «Саперави». «Некому бутылки убрать, живу один, — думал Ю., — три жены укатили невозвратно, неудержимо... Если б наподобие чеховской драмы “Три сестры” кто-либо написал бы “Три жены” — хороший получился бы спектакль».

От второй у Ю. рос любимый сын, мальчик восьми лет, третья ушла к молодому актеру. Он, Ю., ночью храпит, чешется, сморкается, а у молодого актера маленький, костлявый задок туго обтянут джинсами.

Ю. прошел темными комнатами. Три комнаты в центре Москвы, в старом барском доме — награда от Покровителя. Ранее квартира принадлежала известной театральной фамилии, вымершей